

ВЕЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

П.С. Гуревич

КОНЕЦ ФИЛОСОФИИ ИЛИ ЕЁ ВОЗРОЖДЕНИЕ?

Аннотация. В статье представлена проблема незаменимости философии в человеческом познании. Философия рассматривается как предостережение от необдуманных и опасных экспериментов, способных изменить и сам облик человека и природу человеческого рода. Только мудрец способен предостеречь человечество от посягательства на таинство жизни и смерти. Только философ благодаря своему признанию обязан представить на суд специалистов древние интуитивные предостережения, результаты огромной интеллектуальной работы мыслителей, толкующих о загадках жизни и смерти. Лишь философу надлежит придать проблеме обострённое метафизическое звучание. Проводится демаркационная линия между философией и наукой. При этом философия определяется как специфическая, глубоко личностная и уникальная форма постижения мира, которая пытается ответить на коренные вопросы человеческого существования, раскрыть общие принципы жизни универсума.

Ключевые слова: философия, наука, человек, метафизика, технократ, любомудр, универсальная проблема, вечная философия, возрождение философии, статус философской антропологии.

P.S. Gurevich

End of philosophy or its revival?

Review. The article describes the problem of indispensability of philosophy in human knowledge. The philosophy is considered as caution from the rash and dangerous experiments that could change both shape of the person and the nature of the human race. Only the wise man is able to warn mankind against infringement of a sacrament of life and death. Only the philosopher thanks to the recognition is obliged to present ancient intuitive cautions, results of huge intellectual work of the thinkers interpreting riddles of life and death on court of experts. Only the philosopher should give the aggravated metaphysical sounding to a problem. The demarcation line between philosophy and science is drawn. At the same time the philosophy is defined as specific, deeply personal and unique form of comprehension of the world which tries to answer radical questions of human existence, to disclose the general principles of life of a universum.

Keywords: philosophy, science, person, metaphysics, technocrat, philosopher, universal problem, eternal philosophy, revival of philosophy, status of philosophical anthropology.

В наше столетие нередко раздаются голоса о том, что философия отжила свой век. Нужна ли философия в эпоху информационного общества, сложнейших, но эффективных технологий, блистательных достижений науки? Возможно, цивилизация такого типа предполагает совсем другой способ мышления, другую форму всеохватного миропостижения. В культуре XXI века эта мысль «прокручивается» довольно часто.

В минувшем столетии наука обеспечила множество невероятных открытий. С помощью андронного коллайдера учёные пытаются смоделировать возникновение мира, Вселенной. Расшифрован геном человека, появились проекты радикальной реконструкции человека. Люди, судя по всему, вплотную подошли к клонированию живых существ. Начались поиски альтернативных источников энергии. Встреча с инопланетянами рассматривается на уровне социоинженерного проекта. Эксплуатируются новейшие технологии общения. Мир стремительно глобализируется, меняется образ жизни народов. Рождается новая цивилизация.

Но какое отношение все эти успехи науки имеют к философии? Можно ли её считать наукой? Это весьма трудный вопрос. Некоторые философы, например В. Виндельбанд, считают философию наукой.

О возрождении утраченного идеала рациональности, научности в философии говорил и выдающийся немецкий философ Эдмунд Гуссерль. Ему кажется, что элементы науки в философии преобладают. Об этом, в частности, он пишет в своей работе «Кризис европейского человечества и философия».

Однако в общественном сознании нашего столетия всё больше укрепляется другая идея: философия — не наука, это вполне самостоятельная, уникальная форма постижения мира. Философия сохраняет такие черты, которых нет у науки. Можно, вероятно, говорить о том, что философия имеет некоторые признаки науки, точнее сказать — научности. Но чтобы понять философию, надо думать о её своеобразии, непохожести на науку.

Философия имеет дело с предельными, вековыми вопросами. Наука, конечно, тоже пытается выстроить относительно целостную картину мира. Однако она погружена в конкретность, решает множество частных задач. Философия в этом смысле гораздо свободнее. Она задумывается над универсальными проблемами. Эти вопросы иногда называют «метафизическими». Что это означает?

«Метафизика» — это название сочинений древнегреческого философа и учёного Аристотеля. Появилось это слово случайно. После смерти Аристотеля его ученики собрали все сочинения великого мыслителя и разложили их по дисциплинам: «логика», «психология», «метеорология», «наука о животных», «физика» и т. д. Но вот остались трактаты, которые нельзя было отнести ни к одной из наук, но которые Аристотель читал ученикам уже после всех наук, «после физики», как тогда называлось естествознание. Недолго думая, ученики так и назвали эти трактаты — «метафизика», или «после физики». Слово неожиданно прижилось: им стали называть философию. Почему же это так случилось? Может быть, потому, что одно дело — физика, другое — то, что начинается дальше. Ещё совсем точнее: наука — нечто другое, нежели философия. Аристотель рассматривает то, что познаваемо нами только после природы (потому что лежит «позади» неё), но само по себе является первым. Метафизику называют также «первофилософией» со времени поздней античности и средних веков. Предметом метафизики, в частности, являются понятия: бытие, ничто, свобода, бессмертие, Бог, жизнь, сила, материя, душа, становление, дух (мировой), природа. Необходимость раскрыть эти понятия определяет духовный облик человека и составляет тем самым, говоря словами великого немецкого философа И. Канта, «неистребимую потребность человека».

Именно эти метафизические проблемы, которые в современной литературе часто называют гуманитарным знанием, стали в нашем столетии объектом оживленной полемики. В начале XX в. укрепилось новое философское направление — позитивизм. Позитивисты исходят из «позитивного», т. е. данного, конкретного, фактического, устойчивого, несомненного. Вот почему метафизические вопросы сторонники этой ориентации считают теоретически несостоятельными и практически бесполезными.

Например, можно поставить какой-нибудь важный вопрос, скажем, «было ли начало и будет ли конец мира?». На уровне конкретного знания эта проблема постоянно обсуждается и появляется тот или иной ответ. Но наши знания множатся. Этот вопрос возникает снова и снова. С полной уверенностью и до конца на него ответить невозможно. С точки зрения позитивиста, это неоправданный, праздный вопрос. Ведь он не может быть проконтролирован, истинность ответа на него не может быть доказана с помощью опыта. Можно только предполагать, что мир когда-то возник и, наверное, придёт к концу. Но ведь можно прийти и к другому, тоже недоказуемому суждению: мир существовал и будет существовать вечно.

Позитивизм теснейшим образом связан с картиной мира и методами, которые свойственны естественным наукам. Вот почему его сторонники стали пытаться построить философию по меркам науки. Что это означало? Устранить из философии всё, что не носит характер закона, проверенного факта, окончательного утверждения. Увы, в этом случае от философии мало бы что осталось. Но, может быть, это и есть путь к более строгому и полезному знанию? Нет, такой путь годится для науки, но не для философии.

Коли так, то прагматисты пришли к убеждению, что наука способна потеснить философию. Позже идея верховенства точного знания как последней истины завладела учёными. Наконец, и сами философы стали сомневаться в универсальности любомудрия. Прагматичному веку некогда рассуждать о том, что не связано со сложными, проблемными ситуациями. Дай Бог пережить кризисный момент... В своё время я слушал в Сеуле на международном конгрессе по футурологии почётного президента Римского клуба Александра Кинга. Он говорил о том, что сегодня невостребованной оказалась не только философия. Людям, как выяснилось, не свойственна самая обыкновенная дальновидность. Политики

занимаются текущими вопросами, пренебрегая стратегическим мышлением. Технократы пытаются изо всех сил разогнать локомотив современной цивилизации. Пусть мчится по рельсам навстречу неизбежной гибели? Как спасти человечество?

Эти вопросы — очень неуместные и неудобные для технократа и политика-прагматика — задаёт уже философ. Неудивительно, что его вопрошания воспринимают как назойливые и несвоевременные пророчества Кассандры. Помните, была такая вещунья, предупреждавшая о гибели Трои, которая так всем надоела, что её объявили безумной. Вот и философа ныне объявляют таким безумцем. А что такое философия вне ума, как не то, чего просто нет? Каково же место философии в современном мире? Не станет ли пренебрежение к ней самой неожиданной из всех прогнозируемых катастроф?

«Поистине трагично положение философа». Это слова Николая Александровича Бердяева. «Его почти никто не любит. На протяжении всей истории культуры обнаруживается вражда к философии и притом с самых разнообразных сторон. Философия есть самая незащищённая сторона культуры» [1, с. 23]. Последняя фраза просто великолепна по отточенности формулировки... Религия обслуживает запросы духа. Человек обращает свой взор к Богу, когда испытывает муки одиночества, страх перед смертью, напряжение душевной жизни. Мистика чарует возможностью глубинного, обострённого богообщения. Она даёт надежду на чудо. Наука демонстрирует неоспоримые успехи познающего ума. Будучи опорой цивилизации, она не только разъясняет одухотворяющие истины, но и обустроивает людей, продлевает им жизнь.

Философия же, напротив, нередко отбирает у человека последнее утешение. Она выбивает индивида из жизненной колеи, безжалостно предлагая ему жестокие истины. Философия — это опыт предельно трезвого мышления, практика разрушения религиозных и иных, например, социальных, иллюзий. Ей по самому своему предназначению приходится разрушать обустроенность, сталкивать человека с трагизмом жизни. Свет разума подчас выявляет многие тёмные стороны нашей жизни, но требовать от него освещения квартиры всё-таки, наверное, не стоит. Электрическое освещение, само собой понятно, непосредственно от философии не исходит.

Что касается тайн мироздания, их загадочной, мистической природы, то философия в силу своей рассудочности пытается промыслить их до самого основания. Так рождается ещё одна формула философии: «В сущности говоря, вся философия есть лишь человеческий рассудок на туманном языке...». Она принадлежит Гёте. Зачем, однако, человеческий рассудок постоянно выражает себя на туманном языке? Разве ему недостаёт других форм самовыражения? Может быть, в результате философ обретает какие-то окончательные истины? Ничуть не бывало. Если бы Любомудр добрался до неких последних установлений, он бы бесповоротно исчерпал собственное ремесло. В том-то и парадокс, что философ размышляет над проблемами, которые не имеют конечного решения. С той же последовательностью, с какой червь прядёт шёлковую нить, мыслитель вытягивает из сознания всё новые и новые парадоксы, заведомо зная, что они никогда не будут разгаданы. Странное, вообще говоря, занятие.

Может быть, отказаться от этой причуды? Сколько раз просвещённые умы советовали поступить именно так! Зачем туманное возвешение, когда наука развёртывает свой бесконечный потенциал? К чему отзывчивость к абстракции при наличии богословия? Какой смысл в накоплении мудрости, в которой нет ничего постижимого, бесповоротного? Философию критикуют с разных сторон и всё время пытаются вытолкнуть из культуры. Много ли, мол, проку от этой праздности?

Однако философия обнаруживает странную живучесть. Она выстояла против атак позитивистов. Доказала свою уникальность, прочность. Человек постоянно множит метафизические вопросы. Когда же рождается относительная ясность, он немедленно затемняет её новым противоречием, ещё одним измышлением. Зачем? Чтобы получить ответ? Но ведь философ на это совершенно не рассчитывает. Несмотря на яростные споры, суть которых я здесь изложил, со всей убеждённости полагаю, что философия — это не наука...

Однако человек — философ от рождения. Философия совсем иной, нежели наука, весьма эксцентричный способ мышления, погружения в тайны мира. Человек философствует, потому что зачарован этой страстью. В ней он выражает самого себя. Человек делает это для собственного удовольствия, для самовыражения, ибо он рождён философом. Но тогда чем продиктованы жалобы Бердяева? Культура, как выясняется, не может в равной степени поддержать все стороны человеческой жизни. Она, можно полагать, ищет более надёжные опоры, нежели метафизические зигзаги мысли. С другой стороны, и сам человек, разгадывая собственную природу, видит перед собой зыбкий, неустоявшийся образ. Он страшится признаться себе, что именно эта поразительная способность к рефлексии и есть самое ценное в нём.

«Странное дело, но в наш век философия, даже для людей мыслящих, всего лишь пустое слово, которое, в сущности, ничего не означает; она не находит в себе применения и не имеет никакой ценности ни в чьих-либо глазах, ни на деле» [6, с. 207]. Слова эти принадлежат мыслителю эпохи Возрождения Мишелю Монтеню, однако похоже, будто сказано это в наши дни. Да, в наши дни, когда, как кажется, мир перебрался в новое тысячелетие, оставив любомудрие за бортом.

Публицистов волнуют сегодня политические распри, бюджетные хитрости. Политики опираются не на мудрые максимы, а на популистские мотивы. Общественное сознание утрачивает глубину и культурные корни. В годы тоталитаризма лидеры, издав очередное постановление, вещали: только время способно выявить истинный и непреходящий смысл принимаемого решения. Пустота набрасывала на себя философский убор. Власть имущие в наши дни убеждены, что назначение философии именно в том, чтобы обслуживать каждый изгиб конъюнктурной политики. Интеллектуальная честность и независимость редко привлекает сторонников.

Философию теснят отовсюду. Представители точных наук, замороженные грандиозными открытиями нашего века, полагают, что проникновение в ядро клетки важнее отвлечённых размышлений. Однако разумно ли, не сдерживая себя философской осторожностью, извлекать из вещества огромные фантастические энергии, не имея развёрнутой картины мира? Проникновение в глубины клетки, судя по всему, должно сопровождаться философской осмотрительностью.

Последствия чернобыльской катастрофы столь внушительны и долгосрочны, что один мудрый современник сказал: не исключено, что дата взрыва может стать основой для нового летоисчисления: до и после Чернобыля. Учёные достигли огромных успехов в познании генной природы человека. Ведутся эксперименты по сращиванию генов, которые дают поразительные результаты. Однако опять звучат голоса предостережения. Зачем нужны существа-химеры, которых не было в природе? К чему может привести бесконтрольное баловство с генами? Не исключено, что начнётся длительный ряд мутаций, который преобразует всё живое. Человек станет жертвой собственных экспериментов. Мнимое господство над природой обернётся жутким поражением. Трезвая экспертиза науки возможна только в философии. Само собой понятно, что философия вовсе не выполняет функцию некоего интеллектуального полицейского, ибо внутри философии нет единой точки зрения по фундаментальным вопросам.

Несколько лет назад по телевидению выступала известный отечественный физиолог академик Н. П. Бехтерева. Она сказала, что в её лаборатории нашли средство, которое позволяет, воздействуя на определённые части мозга, многократно усилить интеллектуальные ресурсы человека. Казалось бы, надо радоваться. Вот вам мой мозг, гони импульсы. Однако исследовательница неожиданно сказала: мы наложили запрет на эти эксперименты... Вот тебе раз! С чего это вдруг? Скорее всего, сыграла свою роль философская подсказка... Наивно думать, что философия на всё накладывает запрет, но она всё же предостерегает.

Выходит, философия только тем и занимается, что вразумляет людей. Люди науки бесстрашно проникают в лабиринты познания, а любомудры увещевают, советуют, предостерегают. Не пытаются ли они остановить колесо истории? Да, человеческую мысль остановить нельзя. Это верно. Но проблема гораздо сложнее. В арсенале философов огромный интеллектуальный материал, накопленный за тысячелетия. Нарботаны различные навыки мышления, представлены разнообразные интеллектуальные традиции. Нельзя остановить мысль, но нельзя и оставить её плоды на обочине. Зачем тогда вообще мысль?

И всё-таки философской рефлексии постоянно ставится некий предел. Философское возвешение оценивается как удел стародумов. Утрачивается и без того зыбкое представление о специфике философского мышления. Парадоксально, но стремительное развитие гуманитарного знания даёт тот же эффект. Обогащение истории, психологии, социологии и других дисциплин подрывает верховенство философии.

Герберт Уэллс, выдающийся английский фантаст, в начале XX в. высказал догадку: пожалуй, господствующей наукой грядущего столетия будет психология. Не станем оспаривать экспертизу фантаста. Возможно, он близок к истине. Однако неужели только психология обещает стать всеобъясняющей наукой? Разве не являемся мы сегодня свидетелями ренессанса историзма? А глобальные претензии социологии или, скажем, культурологии? Положение философа действительно трагично... Многие сравнивают его с королём Лиром, разделившим царство между наследниками и оставшимся без угла.

В наши дни ведущие исследователи культуры, политологи усилили внимание к изучению неразгаданных тайн социальной динамики, к распознаванию механизмов общественного развития. При этом,

естественно, возник соблазн понять историю без философии, или, точнее сказать, с помощью непрофессионального любомудрия. Одному мнится, что тайна тоталитарных режимов гнездится в сексуальной неудовлетворённости подростка, будущего диктатора. Другому кажется, что в человеческой летописи легко просматривается эффект маятника. Вот почему, к слову, Россию постоянно-де бросает от вольницы к деспотии...

Для глубинного понимания тончайших оттенков человеческой истории важны и психоаналитические методики, и пронизательные наблюдения за «приливами» и «отливами» в политической жизни, но неужели столь обыкновенное напряжение мысли может раскрыть тайну истории? Ту, что принадлежит к числу метафизических, вечно возобновляемых проблем. Иной подход к этой теме чреват возмездием. Нужны ли иллюстрации? Ведь отцы-основатели марксизма, к примеру, уверовали, будто окончательно ухватили путеводную нить истории.

Однако нет ли в этих рассуждениях расхожего философского высокомерия? Не реализуется ли здесь древнее пожелание философии быть матерью всех наук? Речь идёт совсем об ином — о сохранении статуса философии, на который посягают едва ли не все. Конечно, по словам Аристотеля, философии надлежит исследовать «первоначала и первопричины». В этом специфика философской мысли, а не её гордыня.

Философия в её собирательном смысле состоит из концепций, которые создали различные мыслители. Это занятие глубоко личностное. Прежде всего мы персонифицируем философию по именам. Говорим: «Философия Платона», «Так считал Кант», «Концепция Виндельбанда», «Толпа никогда не станет философом». Мы помним, последнее — это слова великого Платона.

Кое-кто скажет: но ведь и в науке те или иные открытия связаны с именами. Мы говорим «закон Бойля-Мариотта», «концепция Дарвина», «палочки Коха». Это, разумеется, так. Однако учёные раскрывают определённые закономерности, открытие которых подготовлено всем развитием науки. Не будь Лавуазье, химическое открытие сделал бы другой учёный. Так это и происходило в науке. Закон сохранения вещества сначала открыл Ломоносов, а затем — Лавуазье. Дифференциальное исчисление одновременно открыли Декарт и Ньютон. Неэвклидова геометрия создана Лобачевским, Риманом, Бойли и Гауссом. Примеры можно множить. Иначе в философии. Философский труд всегда выражение одарённой личности. Никто вместо Аристотеля не написал бы его «Метафизики». Без Декарта не было бы «Рассуждения о методе». Только Сартр мог быть автором «Бытия и ничто». Эта симфония разума не анонимна. Она есть выражение глубочайшего личностного творчества.

Попробуем представить ситуацию, которая наглядно продемонстрирует незаменимость философии. Совсем недавно биологи открыли ген, который несёт в себе завершение жизни природного организма. Именно в нём заложена информация, которая исчерпывает себя в распаде клетки, в смерти индивида. Вот она, тайна конечности человеческого существования, заведомый приговор к гибели. Кстати, ген опознан, и с помощью лазера его можно выжечь. Человек станет бессмертным? Возможно. Не исключено, что в кругозоре биологии проблема выглядит предельно ясной...

А в доминионе философии? Может быть, только мудрец способен предостеречь человечество от посягательства на таинство жизни и смерти. Только философ благодаря своему признанию обязан представить на суд специалистов древние интуитивные предостережения, результаты огромной интеллектуальной работы мыслителей, толкующих о загадках жизни и смерти. Лишь философу надлежит придать проблеме обострённое метафизическое звучание.

«Вечная философия»

Что такое «вечная философия»? Это такое понимание человеческого сознания, которое выражает основные прозрения философской мысли. Данный термин употреблялся в католической философии с начала неосхоластики и восходит к произведению Стехуса Эвгубинуса «De Philosophia perennis», термин, означающий основы всякой философии, незыблемость философских догм. У Г. Лейбница *philosophia perennis* — идущая от древних и получившая всеобщее распространение истина. К. Ясперс называет «вечной философией» мысли некоторых философов о времени.

Прошло более двадцати пяти столетий с тех пор, как впервые так называемая вечная философия получила письменное оформление. В течение всего этого времени она в той или иной форме проявлялась более или менее полно. Вечная философия говорит почти на всех восточных и европейских языках

и использует терминологию и традиции каждой из великих религий. Чистое состояние вечной философии может быть только в акте созерцания, выходящем за пределы слов и самой личности [см.: 9].

Научное мышление в современной медицине, психиатрии, психологии и антропологии представляет собой прямое продолжение ньютоно-картезианской модели Вселенной, созданной в XVII столетии. Поскольку в физике XX в. трансцендированы все основные допущения этого мировоззрения на реальность, вполне естественно рано или поздно ожидать глубоких изменений во всех дисциплинах, являющихся её непосредственными производными.

Многие явления, загадочные и необъяснимые с точки зрения механической науки, представляют гораздо меньшие трудности, если подходить к ним в духе квантово-релятивистской физики, теории систем и информации, кибернетики и недавних открытий нейробиологии и биологии. Современные исследования сознания поставляют многочисленные свидетельства, поддерживающие мировоззрение великих мистических традиций. В то же время революционное развитие других научных дисциплин в корне подрывает и дискредитирует механическое видение мира, сужает разрыв между наукой и мистицизмом, казавшийся в прошлом абсолютным и непреодолимым.

Интересно, что многие великие учёные, произведшие революцию в современной физике — Альберт Эйнштейн, Нильс Бор, Эрвин Шредингер, Вернер Гейзенберг, Роберт Оппенгеймер и Дэвид Бом — находили своё научное мышление вполне совместимым с духовностью, с мистическим мировоззрением. В последние годы всё большее сближение науки и мистицизма обсуждается во многих статьях и книгах.

Чтобы продемонстрировать совместимость и взаимодополнительность мировоззрения, возникшего в квантово-релятивистской физике, и наблюдений, полученных в ходе исследования сознания, обратимся к книге Фритьофа Капры «Дао физики» (1975). Прежде всего, сосредоточим внимание на интересную параллель — возможно, не просто по совпадению, а по глубокому смыслу. Ньютоно-картезианская модель была адекватной и даже весьма успешной до тех пор, пока физики исследовали явления в мире повседневного опыта, или в «зоне средних измерений». Как только они начали совершать экскурсии за пределы обычного восприятия в микромир субатомных процессов и в макромир астрофизики, ньютоно-картезианская модель стала непригодной, возникла необходимость её преобразования. У науки, которая принимает в расчёт свидетельства необычных состояний сознания, нет другого выбора, кроме как освободить себя от узких рамок ньютоноо-картезианской модели.

Революционные изменения в физике, ознаменовавшие конец ньютоновской модели, начались в XIX в. экспериментами Фарадея и теоретическими разработками Максвелла по электромагнитным явлениям. Усилиями этих двух естествоиспытателей возникло новое понятие силового поля, заменившее ньютоновское понятие силы. В отличие от ньютоновских сил, силовые поля можно исследовать вне связи с материальными телами. Это было первым значительным отклонением от ньютоновской физики. Выяснилось, что свет — это быстро изменяющееся электромагнитное поле, волнами распространяющееся в пространстве. В основанной на этом открытии общей теории электромагнитных колебаний удалось свести различия между радиоволнами, видимым светом, рентгеновскими лучами и космическим излучением к разнице в частоте. Все эти явления объединились под названием «электромагнитные поля». Однако ещё долгие годы электродинамика оставалась под закланием ньютонианского мышления. Электромагнитные волны считались вибрациями очень лёгкой субстанции, называемой «эфиром». А. Эйнштейн первым ясно высказался за то, что электромагнитные поля существуют сами по себе и способны распространяться в пустом пространстве.

Первые десятилетия прошлого столетия принесли неожиданные открытия в физике, потрясшие основы ньютоновской модели вселенной. Краеугольным камнем этого развития стали две статьи, опубликованные Эйнштейном в 1905 г. В первой он сформулировал принципы своей специальной теории относительности, во второй предложил новую точку зрения на природу света — позднее физики дружно переработали её в квантовую теорию атомных процессов. Теория относительности и новая теория атома опровергли все базисные концепции ньютоновской физики — абсолютность времени и пространства, незыблемость материальной природы пространства, дефиницию физических сил, строго детерминированную систему объяснения и идеальное объективное описание явлений, не учитывающее наблюдателя.

Философия — кладёз всяких возвещений, многие из которых вообще не имеют под собой теоретических оснований. Подчас эти откровения наивны, лукавы, безрассудны, оскорбительны для здравомыслия. Но если пресечь эту фонтанирующую мощь воображения, человек перестанет быть самим собой. Оскудеет и его разум. Сознание утратит собственный метафизический потенциал.

Попробуем теперь дать краткое определение философии. Можно сказать, что это специфическая, глубоко личностная и уникальная форма постижения мира, которая пытается ответить на коренные вопросы человеческого существования, раскрыть общие принципы жизни универсума, философствование — органическая черта человека.

Размытый статус

Пожалуй, ни одна философская проблема современности не требует столь неотложного решения, как статус философской антропологии. Само её существование поставлено под сомнение. В самом деле, чем должны заниматься специалисты данной области знаний, если «человек умер»? Изначальный философско-антропологический проект М. Фуко был неплохо вписан в классическую традицию. Однако вскоре он приступил к критике её основных канонов. Прежде всего, он обращается к темам отрицательности человека, устраняя знаки различия между психологией и психиатрией. Затем он приходит к убеждению, что без критики антропологической иллюзии не обойтись. Кант имплантировал её в философию. Но она уже не в состоянии избавиться от заблуждения теми средствами, которые свойственны ей на данном этапе.

Именно эти размышления Фуко привели его к переоценке статуса не только психологии, но и самой философской антропологии. Став одной из гуманитарных наук, эта область философского знания оказалась в западне. Но как вывести её из сновидческого состояния? Фуко вооружается методологической установкой «смерти человека». Однако стремление сбросить путы «всех философских антропологий» возымело эффект бумеранга. Прокламируя превосходство анализа над синтезом, объекта над субъектом, мыслимого над мыслящим, антропологи провозгласили торжество различий. Прежний предмет философской антропологии — человек стал утрачивать очертания, размываться, замещаться «следами», деталями. Историки философии немедленно отнесли сведения о человеке к маргинальным территориям. Вот, к примеру, фундаментальный труд отечественного философа А. Ф. Зотова «Современная западная философия» [4]. Автор выстраивает широкую панораму современных философских направлений. Но философской антропологии в этом спектре не оказалось. Да и сама проблема человека в этом учебнике отсутствует.

Отчего так? Суть в том, что философская антропология потеряла свой канонический облик. При этом, что ни одна область философского знания, судя по всему, не утратила свой предмет. Натурфилософия по-прежнему занимается природой. Этика сохраняет различные представления о нравственности. Логика, как и положено, остаётся учением о последовательности и методах познания. Социальные философы размышляют о специфике общественной организации и об её динамике. Но философская антропология по сути дела оказалась в беспредметном пространстве. После десяти тысяч лет истории, человек впервые стал целиком и полностью проблематичным. Он уже не знает, что он такое, но знает об этом незнании.

Разумеется, некоторые сходные процессы затронули и другие сферы философского знания. Так, в теории познания укоренился релятивизм, что привело к умалению самого понятия знания. В эстетике «безобразное» заменило феномен красоты. В социальной философии размылось представление о её предмете, поскольку общество предстало как продукт деперсонализированных сил и тенденций.

В этих условиях философская антропология пережила множество неожиданных превращений. В ней, прежде всего, произошёл галактический взрыв: она «распалась» на необозримое число «антропологий»: политическая, культурная, социальная, педагогическая, религиозная. Этот процесс не получил завершения. Дробление философско-антропологического знания продолжается в виде различных «подходов» и «опытов» [см., к примеру: 15]. Отчётливо заявила о себе специализация философско-антропологического знания по направлениям и методам. Сегодня исследования ведутся в рамках «психоаналитической антропологии» (З. Фрейд, Ж. Лакан), «экзистенциальной антропологии» (Л. Бинсвангер, М. Босс, К. Ясперс), «юнгIANской антропологии» (Л. Коуэн), «структурной антропологии» К. Леви-Строса, «феноменологической антропологии» (М. Шелер, М. Мерло-Понти), «трансперсональной антропологии» (С. Гроф, К. Уилбер).

Классики психиатрии долгое время тщательно огораживали разум от неразумия. Люди ещё в начале минувшего века надеялись, что разум своей всепроникающей мощью устранил зло современного мира. Первая мировая война развеяла эти иллюзии. Оказалось, что человечество было вовлечено в бойню,

которую не хотел ни один народ. Однако война разразилась, показав, что человеческий род вполне может истребить сам себя. Это едва ли не первое провозвестие грядущего апокалипсиса. Какое зловещее открытие минувшего столетия! Человек, оказывается, поступает безотчётно, не соотносясь с резонансами разума. Его психика — просто огромное вместилище полуосознанных тревог, вязких страхов. Достаточно пустячного повода — и ужас охватывает всё существо человека.

Сегодня философы и психологи всё чаще начинают подчёркивать ограниченность разума и его неспособность быть ориентиром поведения в ситуации вселенского вздора. Наконец, в постмодернизме обнаруживается неумеренное увлечение алогичностью. Но ведь бесспорно, что человек является единственным на свете существом, которое может жить в ситуации абсурда. Постоянно углубляющийся опыт рационалистического постижения жизни и кошмарное нежелание реальности укладываться в этот опыт. Неиссякаемый поток творчества, рождающий разрушение. Томление по красоте, избыточно переходящее в манку безобразного. Бесконечность творения и предельность человеческой жизни. Как сохранить трезвость мысли внутри этих парадоксов?

Без философско-антропологической мысли здесь не обойтись. Человек выступает и как форма жизни, и как общественное существо, и как мыслящее создание, и как дух. Он не животное, но он и не ангел. Искусство как раз и призвано отразить все эти метаморфозы человеческого существования. Стремление к постижению целостности человеческого бытия, разумеется, просматривается во все века. Однако в силу логики культурно-художественного процесса увлечение отдельными гранями человеческого бытия неизбежно. Для тянущегося к Богу человека средневековья теряет свою значимость заволащивающая человеческая плоть. Для Ницше, оскорблённого всевластием рационалистической традиции, витальность человеческого существа, напротив, становится безоговорочной ценностью.

Судя по всему, именно М. Шелер заявил о том, что человек для самого себя стал проблемой. В работе «Человек и история» он писал о том, что человек оказывается проблемой для самого себя, когда задаёт себе вопрос о смысле собственного существования, границах своего бытия, об отличии от себе подобных, от всех живых существ. Но в чём же источник проблемы? Ф. И. Гиренок пишет: «Главное в том, что сознание испарило душу, умертвило инстинкты, чувства и эмоции. На их месте остались “вмятины”, антропологические пустоты» [2, с. 42]. И далее: «Знание природы своей тяжестью раздавило мировую иерархию. Человек лишился привилегий. Он сам себя их лишил. И вот уже нет ни верха, ни низа, ни начала, ни конца. И место человека не определено. Он потерял свою сущность, то, что от Бога. Что не нуждается во времени. Поэтому он стал испытывать нужду во времени. Погрузился в сферу субъективного, временного, непрочного. Вся эта временность человеческого существования была предъявлена человеку экзистенциалистами» [2, с. 42].

Можно ли определить человека? Нет, окончательное суждение о человеке также невозможно. Человек обладает открытой природой. Он находится в авантюре самораскрытия. Все определения связаны с сущностью, «с как бы определённой бесконечностью, а ведь эту бесконечность ещё надо пройти. Человеку ещё нужно жить. Поэтому экзистенциально человек хватается, как за соломинку, за “здесь и теперь”» [2, с. 42–43].

С. С. Хоружий тоже обозначает дистанцию по отношению к постмодернизму. Он пишет: «Из других областей гуманитарного контекста теснее всего нас касается *топос антропологии*. Несомненно, он тоже из самых существенных как для “времени разрыва”, так и для предшествующего “времени утрат”. Постмодернистской зачистке с вынесением смертного приговора подвергнут был не только субъект, но и человек. Однако загробная судьба двух концептуальных персонажей была разной, ибо за человеком, в отличие от субъекта, не стояло столь же отчётливой концептуализации. Поэтому, хотя “смерть человека”, объявленная в 1966 г. в финале “Слов и вещей” Фуко вызвала много больше шума, чем “смерть субъекта”, но во всём этом шуме оставалось весьма неясным, в чём же шум, смерть — кого?» [12, с. 17].

Из рассуждений С. С. Хоружего следует, что крайне важно восстановить в правах человека как предмет философской антропологии. Он также призывает к продумыванию самой антропологии как курса и дисциплины. Однако на чём строятся эти дискурсы? По мнению С. С. Хоружего, твёрдые принципы при этом отсутствуют. Но в чём же специфика подхода к человеку у С. С. Хоружего? Он относит к сфере антропологии любые описания и исследования «антропологических проявлений»: проявлений человека как отдельного существа, в отличие от его «общественных», т.е. социально окрашенных — политических, юридических, хозяйственных и т.п. — проявлений (разграничение с социальными науками) [12, с. 18].

С.С.Хоружий обращается к понятию «практик». Они разделяются на антропологические и социальные. Изучение антропологических практик принадлежит антропологии. Однако ей не принадлежат плоды этих практик, создаваемые в интеллектуальных и художественных практиках человека. Состояние современной философской практики С.С.Хоружий оценивает как кризисное. Он указывает на отсутствие какого-либо общепризнанного базового понимания антропологии и её предметных границ.

Особый вариант философско-антропологической мысли разрабатывал Я.В.Чеснов. Он отмечал, что в философско-антропологической парадигме ландшафт высокого статуса принято называть *сакральным*. Для гуманитарной мысли постнеклассического времени характерно, по его мнению, обращение к неформальным способам организации интеллектуального труда. Я.В.Чеснов показывал, что человек, освобождаясь от рутинной социально-нормативной зависимости, не теряет связей с людьми, сохраняет отношения по поводам эмпатии и отчуждения, знания и незнания, правды и лжи, наконец, по поводу веры. Все эти отношения территориально размещены. Такой аспект человеческих отношений внутри сообщества имеет ценозный характер.

В последних работах Я.В.Чеснов приближался к уточнённому понятию — антропоценоза. Говоря упрощённо, когда мы объединяем виртуальное пространство с культурно значимым, получаем антропоценоз. Он описывается динамичным пространством, состоящим из людей, вещей и событий, с которыми у человека возникают персональные неформальные отношения. Каждый из нас находится в своём интимном мире. Его мы создаём когнитивно и самостоятельно. Структура антропоценоза состоит из самоценного ядра, размещённого в личном локусном ландшафте, который окружён поисковым маршрутным пространством. Раскрыть данное понятие можно только с помощью философско-антропологического подхода. В обобщённой формулировке антропоценоз и есть философия индивидуального человека [15].

Я.В.Чеснов подчёркивал, что М.Хайдеггер повседневное бытие самости видел в заботе об отличии от другого и в хранении этой дистанции [13, с. 124]. Он полагал, что антропоценозы слабо исследованы. Научный интерес до сих пор сосредоточен на консервативных макролокальностях вроде государства, цивилизации, географических регионов. Он же делал попытку найти другую локальность. Я.В.Чеснову пришлось, идя от этнографической регионалистики, обратиться к архаическим способам освоения пространства.

Горизонты философской антропологии

За последние десятилетия философская антропология обогатилась множеством поразительных открытий. Эти выводы нередко оцениваются негативно, как предумышленный отход от классического мышления. Однако нельзя не заметить, что в процессе расчётов с классикой возникают и новые открытия, столь важные для развития философии в целом. Скажем, критика трактованного Декартом субъекта и его субъект-объектной парадигмы во многом эпатировала гуманитарную общественность концепциями «смерти субъекта», «смерти человека», устранением различных структурных образований личности, размытием процесса идентичности.

Но вместе с тем философия не только демонстрирует крушение многих классических представлений. Философская антропология наполняется новыми смыслами, констелляциями, драматургическими узорами. Нет никаких оснований ставить вопрос о полном отречении от классических парадигм мышления. Но можно говорить о нарождающейся плодотворной перекличке новейших философско-антропологических конструкций с классическими философскими подходами. В 1991 г. под редакцией Ж.Л.Нанси вышел коллективный сборник «Кто приходит после субъекта?». 19 участников этого проекта изложили своё понимание тем, связанных с субъектом и субъектностью. Нельзя не обнаружить при этом коренного преобразования данных проблем.

Поздние работы М.Фуко, его курс «Герменевтика субъекта» открыли новые горизонты философско-антропологической рефлексии. В новейших дискуссиях возникает образ «сообщества без субъекта», некая сеть сингулярностей, каждая из которых подводит других дивидумов к их пределу, обязывает ощутить собственную конечность [7, с. 268]. Каждая из этих сингулярностей может быть обозначена лишь как аноним, безымянный Никто. Деконструкция ктойности имеет ясно обозначенный вектор — сходность с буддийским ходом мысли, с буддийским пониманием действительности. Эссенциалистская трактовка субъектности, связанная с исканием предзаданной и вневременной природы человека,

уходит. Стремление философов дать наиболее удачное и адекватное определение человеческой природы — событие прошлого.

Нанси размышляет: «Что такое быть человеком?». И отвечает: быть человеком означает не располагать никакой сущностью. «Нет такой сущности человека, посредством которой можно было бы определить или заключить, каким образом этот “человек” должен жить, иметь свои права, свою политику, свою этику. Ибо для нас ... такая сущность действительно просто исчезла» [8, с. 151–152]. Всё «беспощаднее» по сути становится представление о том, что человек в его целостности остаётся в пределах непостижимого. Однако в рамках данной презумпции не утрачивается основной пафос философско-антропологических изысканий. Открываются новые, подчас неслыханные грани человеческого бытия. Оказывается внятным и допущение, что только присутствие человека в мировом бытии позволяет сохранять потребность человечества в философии как роде занятий.

Дезавуации подверглась не только субъектность. Карающая десница настигла и человека. Это тема «смерти человека», хотя и не вызвала столь бурной реакции после того, как была озвучена М. Фуко. «Наличное состояние топоса антропологии, — пишет смерти человека С. С. Хоружий, — хорошо соответствует идеям Делёза, который, создав сам целое множество разработок, явно принадлежащих к антропологии, принципиально избегал их сведения в некий интегральный “опыт антропологии”. В согласии с базовой для его мысли парадигмой складки, все эти отдельные вклады в антропологию, отдельные черты или блоки антропологической реальности имеют природу “складок и изгибов” — а все подобные образования существенно сингулярны, они ни во что меж собой не складываются и не образуют никакого единства» [14, с. 19].

В то же время именно в антропологическом ракурсе возникают такие ходы мысли, которые выдвигают данную философскую дисциплину на особое место в гуманитарном познании. И. П. Смирнов, в частности, пишет: «*Антропология — наука наук о человеке*, долженствующая взять под своё идейное покровительство и социологию, и психологию» [10, с. 238]. Итак, в нашем исследовании нам стоит затронуть ещё один аспект: как эпоха влияет на постижение человека. Мандельштам писал о двух возможных типах социальной организации человеческого сообщества, двух типах социальной архитектуры: «Бывают эпохи, которые говорят, что им нет дела до человека, что его нужно использовать как кирпич, как цемент, что из него нужно строить, а не для него. Социальная архитектура измеряется масштабом человека. Иногда она становится враждебной человеку и питает своё величие его уничтожением и ничтожеством. Но есть другая социальная архитектура, её масштабом, её мерой тоже является человек, но она строит не из человека, а для человека, не на ничтожестве личности строит она своё величие, а на высшей целесообразности в соответствии с её потребностями» [5, с. 205]. Антропологические идеи рождаются, расцветают, умирают и воскрешаются в новом историческом контексте.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 479 с.
2. Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический проект, 2008. 235 с.
3. Гуревич П.С. Философия. Учебник для психологов. 2 изд.-е. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2007. 1128 с.
4. Зотов А.Ф. Современная западная философия: учебн. пособ. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 567 с.
5. Мандельштам О. Гуманизм и современность // Мандельштам О. Соч.: в 2 т. Т. 1. Проза, переводы. М.: Художественная литература, 1990. С. 205–207.
6. Монтень М. Опыты: в 3 кн. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 567 с.
7. Нанси Ж.-Л. Нанси Жан-Люк // Современная западная философия. М., 1998. С. 268.
8. Нанси Ж.Л. Сегодня // Ad Marginem 93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований. М.: ИФ РАН, 1994. С. 148–164.
9. Пути за пределы «эго». Трансперсональная перспектива / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Изд-во Трансперсон. ин-та, 1996. 317 с.
10. Смирнов И.П. Creatio negationis // Человек. RU. Новосибирск, 2007. С. 238.
11. Философия и этика: сборник научных трудов: к 70-летию академика А.А. Гусейнова / Отв. ред. и сост. Р.Г. Апресян. М.: Альфа-М, 2009. 797 с.
12. Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте / Сост., общ. и научн. ред. С.С. Хоружего. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 927 с.
13. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Изд. 3-е, испр. М.: Академический Проект, 2011. 447 с.
14. Хоружий С.С. Введение: проект и контекст // Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте / Сост., общ. и науч. ред. С.С. Хоружего. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 8–72.
15. Чеснов Я.В. Народная культура. Философско-антропологический подход. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 495 с.